

Центр женских исследований (ИСИТО)

Серия: Культура. Власть. Различие.

ЖЕНЩИНА НЕ СУЩЕСТВУЕТ:

Современные исследования
полового различия

Под ред. И. Аристарховой

Сыктывкар 1999

Contents

<i>Editor's Introduction</i>	7
I. Theories of Sexual Difference	
<i>Svetlana Yaroshenko. En route to Russian Feminist Theory</i>	15
<i>Irina Aristarkhova. Does The Woman Exist?: Introduction to Theory of Sexual Difference (Luce Irigaray)</i>	24
<i>Bodily Materialism, Sexual Difference and Cyberfeminism. Interview with Rosi Braidotti by Irina Aristarkhova</i>	32
<i>Feminist Heritage: Art and New Fields of Intervention. A Round Table Discussion. Faith Wilding, Maria Fernandez, Irina Aristarkhova</i>	53
II. Representations of Sexual Difference	
<i>Elena Omelchenko. From "Sex" to "Gender"?: An analysis of Discourses on Sexuality in Russian Teenage Magazines</i>	77
<i>Sergei Ushakin. Appearance of Masculinity</i>	116
<i>Elena Tshavskaya. Love for Men, War for Women</i>	132
III. Different Methodologies, Different Strategies	
<i>Marina Kiblitckaya. "Writing Diaries" : Live Strategies of Single Mothers</i>	143
<i>Irina Aristarkhova. Cyberjouissance: A Sketch for a Politics of Pleasure</i>	159
<i>Contributors</i>	171

Translated by Irina Aristarkhova

ТЕЛЕСНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ, ПОЛОВОЕ РАЗЛИЧИЕ И КИБЕРФЕМИНИЗМ

Интервью Ирины Аристарховой с Розы Брайдоитти

Ирина Аристархова. В течение нескольких последних лет я использую идеи Фуко для своих исследований исторического и социального развития России, особенно с феминистской точки зрения [1]. Однако когда я рассматриваю немногочисленные работы, посвященные теме Фуко и феминизма, отстраняясь от тех, которые используют только некоторые из его понятий (например, о био-власти), то нахожу их несколько ограниченными своим стремлением аргументировать "за" связь Фуко с феминизмом или "против" Фуко в феминизме. Таким образом, многие теоретики феминизма склонны "вставить на ту или иную сторону", как будто бы условия выбора predetermined естественным и часто без предложения новых эффективных путей для феминистских интервенций. Вы остаетесь одной из тех, кто постоянно размышляет о новых подходах к работе Фуко в отношении теорий полового различия, в частности теории Иригари. Что Вы видите важным в Фуко для порождения новых феминистских стратегий и эффективной борьбы? Особенно этот вопрос важен сегодня, так как, с моей точки зрения, мы наблюдаем заметное охлаждение интереса к теме "Фуко и феминизм", а Вы и сейчас преподаете одноименный курс.

Розы Брайдоитти. В отношении восприятия Фуко и Иригари я бы повторила то, что мы уже обсуждали о рыночных силах, деполитизировавших то поколение [2]. Европейцы, безусловно, ответственны за то, что произошло с политической ситуацией во Франции, почему Сорбонна не приняла Деррида, почему они также не пригласили Иригари. Во Франции присутствует определенная институциональная политика, которую, кстати, работа Фуко позволяет нам тщательно проанализировать и которая просто уничтожила их радикальное поколение. Их теории были сведены на нет, они просто не реализовались в результате то ли особого деполитизированного их присвоения в Америке, то ли неприятия во Франции и по Европе в целом. Мне кажется, понимать это принципиально важно, и я продолжаю поражаться тому, насколько эти имена остаются маргинальными на европейском континенте, в то время как они господствуют в Калифорнии, в "модных" кругах "транс-

атлантического разрыва связи", как я это называю. Они остаются популярными в определенных "местах-карманах", как университет Уорвика, - одно из таких мест из-за того, что там Эндрью Беньямин, но этот всего лишь "карманы". Глобально им не удалось оставить неизгладимый след. Я все еще надеюсь на Делеза, его время еще не пришло. Он самый неподатливый и самый понятийный, самый философичный из них. Давайте надеяться его будущее. Я это говорю не просто из чувства долга или из ощущения своей миссии, но из понимания того, что в этих теориях присутствовал огромный политический потенциал, который остался нереализованным. Мир изменился. была разрушена Берлинская стена. многое сместилось, и вроде бы можно было надеяться, что все это должно сделать их еще более востребованными - и такой неудачный сброс. Я вижу в этом неудачу левых переродиться в европейском контексте.

Эти философы в большой степени являются наследниками определенной европейской традиции, либо через Кангилема, либо через Башелара. В квинтэссенции - это континентальные европейские философы, они исходят из долгой традиции материализма, традиции мышления через тело, предвосхищающей психоанализ. Требуются столетия для появления таких мыслителей, и - все это вдруг исчезает. Для меня это частично неудача левых, а частично та амнезия, которая нашла на нас особенно после 1989-го. Это своего рода травма, образовавшаяся в результате окончания холодной войны. Должно пройти время, но я не знаю ни одной более радикальной политики, чем политика их поколения. Я голосую за партию зеленых, я баллотируюсь на европейских выборах от этой партии. Однако если еще раз обратиться к понятиям и идеям того, как функционирует современная власть - без идей французской теории сегодня просто не обойтись, я не знаю ничего лучшего. Поэтому эта связь остается для меня интеллектуальной обязанностью, а не сентиментальностью верной дочери, которой я не являюсь. Моя книга "Узоры Несогласия" написана как раз о моих разногласиях с ними, однако я всегда чувствую, что их генеалогия - это и моя генеалогия. И философски, и политически: традиция телесного материализма и традиция радикальной оппозиции, которая находится левее марксизма не просто советской модели, а даже левее Альтюссера и Грамши. Это ключевые моменты моей собственной генеалогии, моего собственного желания мыслить в Европе. Вы знаете, что я выбрала Европу. Было бы проще остаться в Австралии, я могла бы быть одной из тех, кто живет в залах ожидания. Для меня выбор такой генеалогии - это в действительности своего рода историческая подотчетность, а также тип географического местоположения. Это одновременно и то и другое - такова часть ответа на Ваш вопрос.

Концептуально то, что я нахожу важным и почему я стараюсь соединять Фуко и Иригари, содержится в их попытках переосмыслить этику через воплощенность. Конечно, каждый из них расходится по вопросу о воплощенности, однако для обоих телесный материализм является ключевым - тем, что отсутствует в других западных культурах. Английская культура не имеет его по своим причинам: это что-то *на* континенте, что-то, соединяющее его с дискурсом о сексуальности, дискурсом о половом различии, дискурсом о наслаждении и об ответственности, которая вместе с тем возникает. Вы можете вернуться к раннему Возрождению, чтобы увидеть корни этого процесса. Это о постоянно ведущихся обсуждениях между пространством социального и своего Я, если можно так выразиться. Это своего рода ощущение "эротики обыденности", чувственности, сексуальности. Если посмотреть на современную французскую философию и искусство и сравнить их с англоязычными, то одна вещь сразу же бросается в глаза - это место, отведенное вопросам чувственности, страстям, сексуальности. Это в нашей культуре, начиная с XVIII столетия и с тех пор ее не покидало. Лу Андреас-Саломе просто "отдает" Фрейду вопрос о нарциссизме, а также многие другие темы. И если мы обратимся к феминистским последствиям этого процесса, то увидим центральность тем о теле, желании, сексуальности, которые постоянны. Если обратиться к американской стороне, так это отсутствует. Американский феминизм остается антисексуальным с XIX века. Они не придают ему основательности: даже когда они теоретизируют различные голубые (queer) и лесбийские практики, фактически это остается маргинальным вопросом, совершенно "крайним". Много написано о том, почему теории полового различия не преуспели в США, и я настаивала в своем разговоре с Джудит Батлер, что они потерпели неудачу в Америке именно потому, что, по большому счету, там отсутствует тема сексуальности. Она стала совершенно (по)сторонней. Равная оплата труда, аборт, вся тематика статуса кво либерального просвещения, освободительные права представлены, но отсутствуют темы о том, что значит "желать телом" и как это социально сконструировано.

И.А. Похоже, что это скорее абстрагирование своего рода чистых "истин" о сексуальности, чем возможность самой "встречи с ней", продумывание и выражение телесности.

Р.Б. Именно. Это вопрос о "причинах и следствиях"! Они просто убрали вопрос о желании, теле и чувственности из общей картины, но тогда чем, собственно, распоряжается политика? Распределением прав и кому что полагается? Такое определение феминистской политики совершенно расходится с тем, что под этим понимаю я. И я нахожу в Иригари и Фуко решимость политизировать именно те вопросы (о теле и о

воплощенности), которые не сводятся к судебным разбирательствам и фразам типа "запретить Иригари в Америке!", но означают дискурсивное производство имеющихся сложностей в ситуации постоянных обменов, в ситуации бытия "между пространствами". И я нахожу это ключевым для всего поколения: Лиотар, Деррида, они вместе учились и перенесли это в свои разные траектории. Я уже писала об этом и снова повторю: я считаю, что у Фуко присутствует вопрос о половом различии настолько, что делает его интересным и многогранным для феминизма. Многогранным не потому, что он сказал о женщинах - никто не читает Фуко для этого! Фуко читают потому, что он сказал о власти и руководстве собой, а также для понимания геополитики властных отношений сегодня. Но то, что он сделал по теме мужественности, (маскулинности) остается уникальным. Мне не известен никто другой, кто бы настолько высветил половые и гендерные предпосылки философии как мужской (маскулинной) дисциплины: [существующей] для мужчин, [производимой] мужчинами с [другими] мужчинами. И профессиональные философы его постоянно за это оскорбляли. Он говорил о том, что философия остается (в терминах Лакана) "фаллологоцентричной", что в ней это господствует. Философия в большей степени нацелена на обучение молодых мужчин с помощью восхищения, превозношения, любви, желая (как бы оно ни было скрыто) к пожилым мужчинам - "гениям философии". Фуко работал и над прояснением этой связи, что уникально, - даже Деррида с его очарованностью женственностью на это не способен. Иригари разрабатывает это же в другом направлении, несмотря на то, что в процессе своего развития - если окинуть взглядом очертания всей ее работы - она переходит от переосмысления женственности и женского к обдумыванию разнополости. Я отношусь к этому нормально, хотя и считаю несколько сентиментальным, но также понимаю, что фундаментально мы должны осмыслять обе стороны, иначе мы не продвинемся.

И.А. Ваши слова показывают, что "политическое" у Фуко не чуждо политике Иригари. Мне всегда кажется несколько странным, когда некоторые обвиняют Фуко в том, что "он так мало написал о женщинах". Такая критика непродуктивна, так как никоим образом Фуко не мог "говорить за, о, от имени или для" женщин и не оказаться одновременно в ситуации невозможности продолжать свою критику западной культуры одинаковости. Его работа обнаруживает то, что Иригари называет культурой "между мужчинами", но его работа проблематизирует эту "однополую" культуру самым радикальным образом. Не говоря о женщинах, но проясняя то, что существовало до сих пор только "между мужчинами" и не является всеобщим, он расчищает некоторое пространство для нашего женского становления и творчества, так как его работа не старается

заполнять все места сразу, как только это становится выгодно - говорить и писать не только за/как мужское, но также и за/как женское.

Это приводит нас к следующему вопросу: каковы возможности и даже необходимости выработки местных (феминистских стратегий, принимая во внимание эту невозможность сегодня "быть женщиной"? Как нам обращаться с культурными особенностями женского положения вне Запада, но при этом не скатываться в кажущееся "естественным" понятие сконструированного гендера, представленного в некоторых западных феминистских дискурсах? Например, Ойеронке Ойвуми в своей статье "Рас-спутывая гендер: Феминистское теоретизирование и западная культура" [3] четко выявляет опасности таких импортиаций.

Р.Б. Я думаю, что Иригари является фундаментальной для понимания этого. Это парадокс всего перехода от социального конструктивизма к своего рода стратегическому эссенциализму деконструктивистского поколения, как бы вы их ни называли.

Теперь мне хотелось вернуться к оценке того, что представляет собой политический толчок старой психоаналитической деконструкции идентичности. Сегодня имеется огромный разброс во мнениях, и меня очень беспокоит в феминизме и в социальной теории девяностых в целом практически полное забвение лакановской и пост-лакановской критики идентичности.

И.А. Кажется, за исключением Жижека с его "по-настоящему" гегелевским Лаканом, что само по себе, конечно, проблематично, как отмечает также и Друсцилла Корнелл в статье «Где начинается Любовь: Половое различие и предел мужского символического» [4]. Но, принимая во внимание наше общее с ним восточноевропейское детство идеологического *марксизма* и *диалектического* материализма, меня не особенно удивляет этот факт, хотя при этом я понимаю всю спорность такого прочтения Лакана и теоретически, и политически (даже помня о Кожеве).

Р.Б. Да, это кожевский Лакан. Я слышала, что Жижек основал Лакановское Общество в Калифорнии. Однако именно оспаривание этой центральности понятия "женщина" явилось тем, что действительно отделило поколение Иригари, сегодня шестидесятилетних, от де Бовуар, которой тогда было почти восемьдесят. У де Бовуар был своего рода эссенциализм, онтологическое основание в этом понятии, работающее для всех времен и территорий. Но за ней уже стояла политизация, которая была особой нестабильностью идентичности, с помощью соединения Лакана и Альтуссера. Это был ключевой момент, который позже был вульгаризован и огрублен в последовавших событиях. Это превратилось в разные шутки и глупости, перешло в искусствоведение и стало даже эстетикой "разорванных / расколотых субъектов". Все это сослужило

жило очень плохую службу: в конце концов в трансатлантическом разрыве связи то, что способствовало отказу от наиболее радикального и сильного феминизма (Иригари), было засильем своего рода шика вокруг расколотого субъекта. Это стало шикарным - обсуждать разрыв и раскол в субъектности. Люди начали спрашивать: ну теперь, если расколота, могу я продолжать политические интервенции? Конечно, вопрос идиотский, но прекрасно соответствует "общей" задаче отстрела этих непростых теорий из сформировавшего их контекста. Кстати, если обратиться назад к тому деконструированию женщины [во французском феминизме], то оно было задумано именно как тактика расшатывания и усложнения с целью поиска изощренных политических ходов во все более сложной расстановке властных отношений, которые были нецентрализованными, а наоборот - микрофизическими, распыленными, вездесущими и т.д. Расколотый субъект для эффективности интервенций в обществе полного надзора - вот была идея. И лакановское вмешательство необходимо, если мы вообще хотим понять, как подходить к вопросу о субъекте в обществе, в котором правит коммодификация (все становится товаром), где эта товаризация всего живущего постоянно расширяется: индустрия пересадки органов - один из примеров. Если мы хотим успевать, то нам необходимо думать так же быстро, в два раза быстрее той ситуации, где мы находимся, чтобы схватывать происходящее и быть способными представлять всю усложненность.

И.А. Этот пропуск в феминистской теории, по Лакану, был заполнен Деррида со всеми его спорными жестами о "женских масках и голосах". Почему снова это должен быть Деррида?

Р.Б. Я думаю, что огромную роль здесь играет Эдипово соперничество внутри этого поколения и не только у него. Так, и Фуко, и Деррида не отличаются вниманием к примечаниям и ссылкам. Деррида написал целую книгу о половом различии без единого упоминания Иригари. В Фуко только счастливчик разыщет ссылку на Лакана. После смерти Лакана я помню слова Фуко (у меня даже где-то есть эта запись) о том, что вся его "История сексуальности" по сути является критикой Лакана и его "фаллоса", - спасибо, что сказал, но если бы написал где-нибудь, то мы могли бы с этим работать. Так все это между ними и происходило. После смерти Делеза Деррида сказал: "Мне следовало написать с ним книгу о различии". Продолжай говорить! Моя проблема по поводу Деррида состоит в том, что его края нерешительности слишком широки, он не выходит из своей пещеры. Поэтому вся моя надежда на связи Фуко / Делез. Эта связь запутанна, так как они воевали, они были несогласны друг с другом. Также и потому, что лучшая книга о Фуко, как я полагаю, написана Делезом и на самом деле она о Делезе, а не о Фуко. В дополнение к этому, как мне кажется, Делез воплощает их различия и я

считаю, что его теория разногранных телесных становлений действительно необходима. Она требует времени, она не проста, неподатлива, неочевидна. Но Делез продолжает материалистский проект, продолжает традицию политизации перемен и сдвигов, и, несмотря на то, что он антилакановский и возвращается к Мелани Кляйн, он продолжает работать в нише телесного материализма. Я полагаю, что диалог между Иригари и Делезом необычайно интересен по вопросу: "Что мы делаем в процессе становления женщиной?" Было бы плодотворно рассмотреть новую связь между радикальным срезом у Фуко вне или после "голубой теории" (queer theory) через соединение Делез / Иригари о "становлении женщиной" для цели переоценки и дестабилизации своего рода фундаментальной женственности в Иригари. Гроз и я уже говорили об этом: преодоление гендера очень продуктивно. И это открытие совершенно нового горизонта, исходящего из Австралии, заметьте, а не из Америки.

И.А. Я почувствовала в Западной Европе своего рода спад энтузиазма на "французский дух". Это все чаще представляется как нечто "стыдное", слишком "сложное" для того, чтобы быть полезным теоретически и политически.

Р.Б. Я не думаю, что нам следует называть его "французским". Я предпочитаю название "телесный материализм". Кристева - болгарка, Иригари из Бельгии, Сиксу - из Алжира, как и Деррида. И это очень интересно, тем более, что никто из них не преуспел, все остались маргиналами. Никто не был до конца "принят", за исключением Фуко, который был католическим мальчиком, в некоторой степени оппортунистом и единственным из них на самом деле преуспевшим, хотя бы на некоторое время. Они были отвергнуты истеблишментом. Поэтому с самого начала это было своеобразное поколение, и меня не удивляют их неудачи, принимая во внимание невероятный консерватизм европейских университетов. Единственным путем для их вхождения была философия, а в Америке - литература, сравнительное литературоведение и так называемые культурные исследования, что само по себе уже дисквалифицировало их (у себя дома). Культурные исследования / культурология - это смешная дисциплина, до которой ни кому нет дела. Пока европейские университеты их не примут, ничего не изменится. В этом университете я работаю двенадцать лет и только сейчас наконец мы получили разрешение в центре на проект с Фуко. Это происходит спустя двенадцать лет. Но эти идеи выжили и до сих пор поддерживаются более всего на факультетах женских и гендерных исследований. Если взглянуть на глобальную деятельность женских исследований в университетах по всему миру, то, помимо разработки полового различия и возрождения женского рода, они являются базой данных, или памятью теорий, которые бы уже давно вышли из употребления, если бы мы не

поддерживали их жизнь. Например, это составляет огромную часть Вашей работы, я уверена.

И.А. Да, верно. Фуко, например, выступает сегодня той "статуей", которую не нужно больше внимательно читать, достаточно "вежливо" или, нет, упомянуть его имя, но без разработки или тщательного обсуждения его идей! Меня особенно это удивляет в нашем контексте, где Фуко практически серьезно вообще не переводился на русский язык. Но все уже все "знают". Мне это все несколько напоминает традицию марксизма в поздней советской академии, которая все еще очевидна в практике современных интеллектуалов. Все говорят "деконструкция", не прочитав или не услышав Деррида в самых разных смыслах. Конечно, исключения как всегда есть, но также я наблюдаю своего рода похожие тенденции по отношению к этим теориям у западноевропейских левых. Каковы интересы за таким предрассудочным отказом от новых понятий о власти и различии?

Р.Б. Мне кажется, что есть еще честные люди, и я не имею в виду Пьера Бурдье, который естественно никогда нас не признает. Энтони Гидденс из Лондонской Школы Экономики и Мануэль Кастелз из Информационного Общества признают женские исследования (называйте их, как хотите) в качестве лаборатории для идей, как место, где хранится и развивается основополагающий набор исторической памяти. Большинство женщин в женских исследованиях и в феминизме в Европе имеют отношение к антифашизму. В Европе отсутствует такое явление, как правый феминизм. Если Вы феминистка в Европе, то Вы - левая. И за нами стоит история в этом отношении.

И.А. Мне вспоминается Эмма Голдман, родившаяся и умершая в России, лидер мирового анархизма [5]. Также женщина из меньшевиков стреляла в Ленина, за что ее сразу убили. Женщины составляли наиболее радикальную часть антимонархизма и нигилистского движения в России второй половины девятнадцатого века, что сильно повлияло и на формирование петербуржки Лу Андреас-Саломе, о чем она пишет в своих мемуарах [6]. За нами женская история.

Р.Б. А Роза Люксембург! Это та традиция, которую необходимо постоянно помнить и питать. В ней присутствует большой антиамериканизм, и он должен оставаться до некоторой степени, так как американское давление огромно, а амнезия, отсутствие памяти, просто невообразимо. Та ерунда, которую публикуют, просто комична, - это горы ерунды. Поэтому мы боремся за сохранение исторической памяти, и я думаю, что это способствует двум стратегиям: продолжению радикального среза этих теорий и того типа исторической памяти, который находится в опасности быть смытым волной переписывания истории, наблюдаемого нами сейчас.

В процессе работы с людьми, я научилась тому, что когда мы занимаемся политикой, мы распоряжаемся банальным, повседневным. Быть профессором в университете - это значит работать в системе по руководству банальностью. Это означает не особый революционный потенциал, а прописывание института. Это управление дискурсом, и Фуко правильно заметил в "Порядке дискурса": "я профессор Колледжа Франции и что я здесь делаю? Я руковожу наследием, я распорядитель воли Ипполита и других, которые были здесь до меня". Если заниматься женской политикой в смысле женских прав в университете и на факультете, то это означает делать то же самое, что и Фуко. Это значит в большой степени питать институции с их огромными привилегиями: принимать больше женщин, добиваться денег и руководящих постов для женщин, это же своего рода управленитет [7].

И.А. Мне помнится, Вы писали о том, что такая работа по "женской генеалогии" в образовании не произошла во Франции [8].

Р.Б. Совершенно верно. Можно оставаться и бороться по краям, маргинально, но это только край. У меня огромная вера в продвижение "женских дел", когда в центр ставится минималистское правовое определение "женщины как субъекта прав" (например, нам необходимо получать больше денег, больше ресурсов и равную зарплату за ту же работу). И это совершенно базовые требования и очевидные, и я не собираюсь бросить эти "женские дела", и наша борьба за них так важна.

Вместе с тем именно ту часть себя, которую я называю половым различием, я считаю своей радикальной. И не вышеприведенная борьба может породить новую ситуацию. Чем бы это новое ни было, оно вырастет из других экспериментов, большинство из которых мы узнаем только "по результату", а *posteriori*. Этим может стать наша альтернативная педагогика. Миша была моей студенткой, а теперь она руководит нашим книжным магазином. Рождается ощущение преемственности между нами. У нас также присутствует ощущение экспериментирования и принятия риска. Хилари Клинтон рискует, Элеанор Рузвельт рисковала. Я только что читала ее переписку, где она сказала: "Женщине, которая хочет преуспеть в чем бы то ни было, необходимо вести за собой других женщин." И этот край экспериментирования требует гораздо большего времени. Единственная статья Кристевой, которая мне нравится, это "Время женщин". Она и так довольно консервативна, в ней есть с некоторыми странными местами, но я согласна с ее словами о двойной структуре: длительное время преобразования / трансформации и короткое время реформы. И поэтому я настаиваю на сохранении этого раскола - женщина. С одной стороны, мы его защищаем по стратегическим целям: эссенциалистским, минималистским, правовым - женщина как субъект прав. Но мое сердце с другим процессом, гораздо более запу-

танным, цикличным, болезненным, топчущимся. Он состоит из повторений, он неудобный и медленный. Нельзя требовать, чтобы этого хотели все. Многие студентки мне говорят: я не хочу быть героиней, я не хочу ничего менять, я хочу быть счастливой. Это ее право - она хочет быть одной из "спайс гелс" и "соответствовать / подходить".

И.А. Нужно ли нам подчеркивать "местные особенности"? Я преподаю теорию феминизма в разных странах и контекстах и для меня это всегда вызов: как себя расположить, как быть чувствительной к различным женщинам и уважать их мнение, как учиться прояснять свою позицию по отношению к их откликам. Поэтому меня интересует то, насколько Вы себя чувствовали "принятой" здесь, в Голландии, и ощутили ли Вы сопротивление со стороны женщин, как будто Вы - чужая? Особенно помня о том, что Европа - это «разноплеменный котел».

Р.Б. Абсолютно точно, двадцать километров - и новая культура! Вопрос очень интересный, и я много думала о "голландской идентичности", что и составляет корень Вашего вопроса. Что значит быть иностранкой в Голландии? Я люблю эту страну. Я была в музее Ленина в Тампере (должно быть, это последний музей Ленина на земле), там было замечательно.

И.А. У нас все еще много музеев Ленина, даже такие города-музеи, как Ульяновск, его "родина", так что мы можем не бояться оказаться в последнем из музеев Ленина, разве что вне России!

Р.Б. Очень хорошо. В Тампера, в музейной экспозиции представлен доклад Ленина со Второго Интернационала, из которого ясно, что делегация из Голландии не соответствовала установленным стандартам. Ленин прокомментировал это таким образом: "Конечно, как народ, столетиями живущий в процветании, справедливости и при гражданском управлении, может осознать трагедию пролетариата?!" У них просто все слишком хорошо!

Это невероятная страна, о которой я ничего практически не знала, тем более что Голландию хранят в секрете. По сути это прототип социальной демократии благодаря тому типу протестантизма, который здесь развился. Помимо прочего, это колониальная держава, имеющая в силу этого опыт различий и инаковости.

И.А. Да, я заметила индонезийское *sate* в каждом пункте питания.

Р.Б. Голландия невообразимо богата и прекрасно руководима.

И.А. Идеальная управленизация!

Р.Б. Да, идеальная и работающая. Если посмотреть на бюджетные расходы на образование, на меньшинства, на женщин, то это больше, чем в других местах. По моему мнению, в голландском уме существует

глубокая двусмысленность по отношению к иностранцам. Это страна, которая живет посредством построения инаковости очень продуктивным образом. Исходит это из того опыта, когда протестанты, католики и иудаисты договорились о *modus vivendi*, социальном мире через распределение дохода. И эта идея о покупке мира определяет их отношение к различиям. Это значит, что иностранцы всегда четко выделены, как иностранцы. Сообщества также имеют четкие границы. И, конечно, апартеид (это голландское слово). Если ты остаешься в своем углу и "правильно" себя ведешь для этого угла, то все в порядке. Но для меня проблема в том, что я не знаю своего угла - я австралийка, итальянка, преподаватель, у меня отсутствует стабильная идентичность. Поэтому я остановилась на своей роли иностранки - резидента. Я не стремлюсь "принадлежать" этой стране. Я веду кочевнический образ жизни и мне приятны все привилегии вне-территориальности. Я могу здесь преподавать на английском и продолжать свои другие дела. Я соответствую долгой традиции голландского гостеприимства к бездомным людям. Конечно, я очень дорого обхожусь, являясь привилегированной бездомной, а не албанской беженкой. И я тяжело работаю за свою зарплату.

И.А. Вас много критиковали за идеи номадизма (кочевничества), особенно повторялись вопросы типа: "А что же о тех, кого перемещали насильственно или о тех, кто не может себе позволить кочевническую жизнь европейского профессора?". Часто подобные вопросы упрощают всю идею кочевничества в современной теории, но, все же, что бы Вы на них ответили?

Р.Б. В своей последней книге я уделяю гораздо больше внимания понятию "европейскость" (Europeanness) и тем людям, которые привыкли жить в центре или там, что им казалось центром и что было, но чем более Европа не является. Однако у них все еще сохраняется именно такая историческая память. Ваш вопрос также и о воплощенности и о расположении себя в пространстве, и поэтому он очень важен. Локализуя и глобализируя, как мы сегодня говорим.

И.А. Вы не чувствуете, как иностранке, со всеми имеющимися возможностями и обязанностями, что Вам "позволено" больше, что Вы как иностранка можете сделать больше, чем остальные, "местные"?

Р.Б. Здесь - да. А во Франции, например, иностранка даже не получает работу. Здесь система совершенно другая.

И.А. Похоже, что Ваша работа в Университете Утрехта была взаимно выгодной и продуктивной. Я нахожу это интересным, полезным и положительным ансамблем между "инаковостью" и "гостеприимством".

Р.Б. Это правда, и должна сказать большее - голландцы не только наняли меня как иностранку, они дали мне руководство факультетом с

задачей организации целой программы, когда мне было тридцать три года. Это же сумасшествие! Конечно, у меня были заслуги, но не было гарантий, что это заработает. Они рискуют, у них традиция разумного риска. Имея консервативную университетскую систему, они нанимают радикалов как двигателей изменений. Много и людей, и вещей терпят неудачу, мне приходилось наблюдать и провалы за эти двенадцать лет работы. Также мне очень повезло с моей командой, международными и голландскими коллегами. Это интересное сочетание, и мой ректор всегда нас поддерживал. Я всегда рассказываю о своем отношении к голландской идентичности и о ее двойственности к иностранцам (белым иностранцам, по меньшей мере), но в той мере, в которой ты что-то отдаешь взамен, это работает.

И.А. Да, это действительно звучит как совсем иная ситуация, чем присутствующая в большинстве европейских университетов, где вопрос о принадлежности стоит гораздо более натянуто. В других местах необходимо принадлежать, необходимо стремиться слиться с этим местом, по крайней мере стараться не выделяться и не отличаться. Необходимо добиваться такого положения, когда место тебя усвоит и сделает "своею" как раз для того, чтобы иметь роскошь оставаться собой - необходимо отдаться на усвоение этому месту. Иначе навсегда остаешься только временной или приглашенной исследовательницей / преподавателем, подобно американским университетам с их традицией приглашения известных мировых фигур. Возможно, Ваш случай только изолированный пример, но я нахожу его очень интересным и, что гораздо важнее, работающим и эффективным.

Р.Б. Вы дали мне посмотреть на него со стороны понятия "гостеприимства", о чем я раньше не задумывалась, это очень хорошее прочтение.

И.А. Ваша позиция погранична и в свете всей проведенной работы, ее влияния и ее резонанса, она, как мне кажется, продуктивна и вдохновит многих, кто узнает о таких возможностях: ведь присвоение инаковости приводит к неудаче обеих сторон (как в полном слиянии до исчезновения или в "старой мечте о симметрии"), в то время как признание и постоянное прорабатывание этой границы различных невозможностей делают многие будущие встречи возможными.

Р.Б. Я при этом должна отметить, что все очень сложно. В то время как ректор университета благодарит нашу программу за помещение Утрехта на интеллектуальную карту и по-настоящему осознает уровень нашей работы, мы должны помнить об общих сложностях общества здесь. Это все же страна апартеида и репрессивной терпимости, это не рай. Но то, что социальная инженерия здесь работает великолепно и известна исследователям как "голландский пример", также указывает на эффективную экономическую систему.

И.А. У меня еще один вопрос, касающийся возможностей, которые мы только что обсуждали. Сегодня много средств вкладывается в новые технологии и кибер-проекты, и эта тема становится очень популярной в интеллектуальных и активистских кругах. Как Вы считаете, это помогает или мешает феминистской политике? Является ли это еще одним орудием для использования и только ли от нас зависит, как оно проявится, или здесь действительно открывается много новых фундаментальных вопросов?

Р.Б. Это очень сложный вопрос. Мне кажется, что весь сегодняшний уровень анализа *новшества* этих "новых" технологий очень шаток и мало что предлагает для размышлений. И никто на это ответить не сможет. Я склонна видеть в этом очень серьезный сдвиг, если не культурный, то все равно качественный. Что затрудняет его оценку, так это межпоколенческие разногласия. И эти вопросы обычно полемические, в ущерб их качеству. Когда поколенческая пыль осядет и перестанут требовать: "прочь Сэди Планта", "прочь Розы", тогда мы сможем начать серьезную интеллигентную дискуссию. Все это сводится к Эдиповому соперничеству и является пустой тратой времени.

Если посмотреть на расходы университетов на новые технологии, то это действительно много, и я не знаю ни одного западноевропейского университета, который бы ни тратил на это миллионы. Частично из-за того, что мы хотим обогнать Америку, частично из-за наших собственных технологий, от Филипса до Нокки. Европейские умы на это работают, и, конечно, на карту положены огромные экономические и культурные интересы. Я думаю, что в этом есть потенциал эпистемологического прыжка, как в переходе от устного к письменному. Но при этом я бы оставила вопрос открытым для дискуссии. Многое зависит и от нас — некоторые мои студентки-парижанки становятся диджеями и творят ризомную музыку с такими вариациями интенсивности, что человеческое ухо ее не слышит, но в смысле расширения технических возможностей средств восприятия это очень интересно. Мне кажется, что музыка сейчас в авангарде экспериментирования. Я не знаю, как это все повлияет на общую ситуацию: что Филипс побуждает нас купить, что Ноккиа. Но я полагаю, что это влияет на наше телесное поведение, технология, которую мы на себе носим, изменит то, как мы живем. Я, например, не могу жить без электронной почты! Все это производит новые формы привыкания и зависимости. Мне также хотелось бы видеть больше анализа новых технологий с точки зрения общего технологического сдвига, в частности к биотехнологиям, сельскохозяйственной индустрии и тому, как мы стали выращивать свою пищу. Например отказ от неорганически выращенных продуктов, особенно в странах типа Англии или Голландии. В супермаркетах зелень сейчас продают со скидкой до восьмидесяти процентов, так как химически выращенные

продукты никто не хочет покупать из-за болезни бешеной коровы и всего случившегося безобразия. Поэтому полный упадок классических биотехнологий и повышение спроса на "чистые продукты" является очень интересной проблемой. И новые технологии в это все не встраиваются - ведь присутствует отказ от таких вещей. Болезнь бешеной коровы стала поворотным пунктом для европейского сельского хозяйства, которое биотехнологично, с химикатами и заменителями. Если видеть то, как мы выращиваем нашу еду, то хочется умереть, - с концентрационными лагерями для животных. Присутствует эта связь между информационными технологиями и целым полем технологии вообще, которая быстро продвигается, и я жду от нее настоящего сдвига.

Что касается феминизма, то здесь мои колебания еще больше вырастают. Частично это вопрос участия и доступа. Участия и в смысле использования компьютеров, но также и в дизайне его технологий.

И.А. Кто их делает, то есть собирает?

Р.Б. Более того, кто их проектирует? Ведь все визуальные технологии сегодня ограничены: моей матери шестьдесят, и если я хочу предложить ей компьютер, то должна задуматься над тем, что ее пальцы слишком широки, а ее глаза уже не так хорошо видят. Если ты не Джэйн Фонда и не в "совершенной форме", то тебе нечего делать в шестьдесят лет за компьютером. Существующие технологии - это сплошная дискриминация, и вопрос в том, для кого их проектируют и у кого будет к ним доступ? Я помню свой разговор с миссис Мандела (руководительницей конференции в Пекине). Она сказала, что если мы действительно хотим иметь демократический тип технологии, если мы на самом деле хотим найти доступ к женщинам мира, то это - радио. Это акустическая технология, и не надо уметь читать (большинство неграмотных в мире - женщины). Транзисторное радио с солнечными многоцветными батареями и спутниковым обеспечением. То же самое было и в статье *Scientific American*: демократическое радио - это транзистор с многоцветной батареей, подсоединенный к спутнику, посредством которого можно иметь всемирный доступ к разной информации. Это могут достать миллионы женщин. Но мы даже близко к этому не подошли, ведь никто в это не вкладывает деньги. Мы хотим, чтобы Билл Гейтс продолжал делать свои восемьсот долларов в секунду, что он и делает. Все пять крупнейших компьютерных фирм мира - американские.

И.А. Не кажется ли Вам, что это постоянное, одержимое стремление порождать новые поколения компьютеров, повторяющееся бессмысленно и превращающееся еще в один шаг наших накопительных культур, ставит под сомнение утопические заявления о разнообразии и потоке множественности в кибертеории, особенно исходящие из постмо-

дернизма типа Бодриера? Скоростная смена поколений компьютеров (Пентиум I, II, III, ...), с моей точки зрения, ничего радикально нового не порождает - особенно в этическом смысле - внутри западной традиции игнорирования различий.

Это подводит меня к следующему вопросу: Вы много вкладываете в теорию постмодернизма и совсем по-другому, чем в вышеприведенном примере. Не полагаете ли Вы, что необходимо уделять больше места вопросу о постмодернистской этике (книга Баумана в этой связи редкий, хотя и не особенно влиятельный, пример)? Вопрос об этике так и не стал составной частью постмодернизма - а ведь это ключевое, что могло бы сделать его *постмодернизмом*?

Р.Б. Конечно, поле постмодернизма огромно, и Бодриер находится на отрицающем его крае, вместе с Крокерами и другими. Они - настоящие отрицатели, им, похоже, доставляет огромное удовольствие радоваться некоему выпариванию означаемого, и я вообще очень плохо представляю, о чем собственно идет речь. Только тот, кто выпил слишком много красного вина за обедом, может фантазировать испарение реальности. Войны в Персидском заливе не было! Как шутка, это неплохая шутка, но глубоко безнравственная. Уже писали о различии утверждающей и отрицающей/нигилистской ветвях постмодернизма. И я не испытываю никакой симпатии по отношению к отрицающей позиции. Зигмунд Бауман достаточно традиционен, но, по крайней мере, он это практикует, а не просто отрицает.

Все это невообразимо фантазийно, уровень фантазии и желания в этом наибольший со времен ЛСД и разрешенных галлюциногенов. Ну и, конечно, все это в основном для образованных белых мужчин. Этот фантазийный сдвиг не может не иметь социальных последствий и не мне о них судить, но, говоря о фантазмагории, сила воздействия очень велика. Меня поражает то, что созданное Гибсоном было полностью продуктом "голового" воображения.

И.А. Он говорил, что у него не только не было компьютера, когда он писал свой *Newromancer* [9], но что впоследствии встреча с компьютером его так разочаровала (шум, скрежет, ожидание, раздражение, скука), что он бы никогда не смог написать эту культовую книгу, *если бы у него был тогда компьютер*.

Р.Б. Да, и именно он создал для будущих компьютерщиков и подростков воображаемое киберпространство - вот что интересно. Я тоже полностью захвачена технологией. Она создает поле на основе достижения согласия по фантазиям через обмен ими. Я вижу потенциал этого поля для создания новых связей, но я также понимаю, что оно не может сделать ничего ни для шестидесятилетних, ни для живущих там, где первая необходимость - вода и воздух. Это не так идеальное, как поли-

тически корректное замечание. Проблема заключается в том, что если это так с самого начала ограничено (теми, для кого эти новые информационные технологии спроектированы), то и не может являться фундаментальной культурной революцией.

Но я остаюсь оптимисткой - и с явной технофилией. Я полагаю, что нам необходимо возвращать это пространство, но говорить о каком-то демократическом потенциале по этому поводу - это большой вопрос. Одно ясно - это не демократичное поле. Женщины составляют по меньшей мере шестьдесят пять процентов всех безграмотных и подавляющее большинство всех нищих. Я не отношу себя к «феминизму жертвы», но когда ко мне приходят с обещаниями о всеобщей свободе, я вынуждена им напоминать о базовых социологических показателях, и поверьте, социология не моя любимая дисциплина! Я из тех, кто уже не может путешествовать без портативного компьютера и сотового телефона. И я совсем не уверена в том, что могу превратить их в нечто большее, чем символ моих преимуществ и привилегий. Проигравшими в этом по-настоящему оказываются Африка и Латинская Америка.

Перевод с английского И. Аристарховой

* * *

1. См., например, мою МА диссертацию 1993 года Aristarkhova I. Women and Government in Bolshevik Russia at <http://www.warwick.ac.uk/fac/soc/complabstuds/wpap.htm>

2. См. подробнее статью Р. Брайдотти. Uneasy Transitions: Women's Studies in the European Union // Joan W. Scott, Cora Kaplan, Debra Keates (eds.) Transitions, Environments, Translations. Feminism in International Politics, New York and London: Routledge, 1997, PP. 355-372.

3. Oyewumi O. De-confounding gender: Feminist theorizing and Western culture, a comment on Hawkesworth's "Confounding gender" // Signs. Vol. 23. Number 4. 1998. PP. 1049-1063.

4. Cornell D. Where love begins: Sexual difference and the limit of the masculine Symbolic // Derrida and feminism / Ed. by E.K. Feder, M.C. Rawlinson and E. Zakin. New York: Routledge, 1997. PP. 161-206.

5. См. в электронной библиотеке Университета Беркли <http://sunsite.berkeley.edu/Goldman/>

6. Andreas-Salomé L. Ma vie. Paris: PUF, 1977; Looking back: Memoirs. New York: Paragon, 1990

7. Понятие "управленитета" ввел в современный дискурс Мишель Фуко. Подробнее см. Аристархова И. Современные теории субъектности и различия: Лекции и Переводы. Библиотека серии "Специализированные курсы в социологическом образовании". Москва: Институт Социологии РАН, в печати.

8. Braidotti R. Comment on Felski's "Doxa of difference": Working through sexual difference // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 1997. Vol. 23. No. 1. P. 23-40.)

9. Культовый роман Уильяма Гибсона, первый из его трилогии "Киберпространство", определившей во многом современную киберкультуру и кибердискурс. Gibson W. Newromancer. London: Gollancz, 1984

The internet was 84.5% male and 82.3% white.

**Guerrilla Girls have invaded the world wide web.
Join us.**

<http://www.voyagerco.com/gg>

“Гориллы-Партизанки - всемирно известная группа (анонимных) художниц, проводившая перформансы и шоу в разных странах, а также создавшая уникальную коллекцию плакатов. Это один из плакатов их электронного проекта в Интернете, заявляющий о том, что Интернет “до сих пор” находится в руках белых мужчин, и что Гориллы-Партизанки намереваются необратимо изменить ситуацию. Электронная ссылка на авторские права: <http://www.voyagerco.com/gg...>”

Сведения об авторах

Аристархова Ирина - кандидат социологических наук, магистр социологии (MA, Warwick University), руководительница Центра Женских Исследований ИСИТО.

Ярошенко Светлана - кандидат социологических наук, заведующая отделом Экономической социологии Института Социально-Экономических и Энергетических Проблем Севера Коми Научного Центра Уральского отделения академии наук.

Брайдотти Роза - профессор, директор Факультета Женских Исследований Университета Утрехта (Utrecht University, Holland), одна из основательниц теорий полового различия и номадизма .

Уайлдинг Фэйт (Faith Wilding) - художница, активистка и писательница, работающая в разных дисциплинах. Основоположница движения феминистского искусства 70-х и член киберфеминистской организации Old Boys Network. Она в настоящий момент участвует в работе активистской группы subRosa, организуя симпозиумы, публикации и акции на темы биотехнологии и телесности. ><http://www-art.cfa.cmu.edu/www-wilding/>>

Фернандез Мария – искусствовед, специализирующаяся в постколониальных исследованиях, теории электронных медиа, латиноамериканском колониальном и современном искусстве, а также в смежных областях. Она получила докторскую степень (Ph. D.) от Колумбийского Университета в Нью-Йорке в 1993 году и с тех пор преподавала в различных учебных заведениях, включая Колумбийский Университет, Университет Питтсбурга, Карнеги Меллон Университет и Университет Коннектикута. В настоящее время она живет и работает в Питтсбурге, штат Пенсильвания.

Омельченко Елена - кандидат философских наук, доцент Ульяновского Государственного Университета, руководительница НИЦ «Регион».

Ушакин Сергей – докторант Колумбийского Университета (Нью-Йорк).

Тшавская Елена - аспирантка кафедры социальной работы Саратовского Государственного Университета

Киблицкая Марина - доктор социологии (Ph.D. Warwick University), кандидат социологических наук, научный сотрудник ИСИТО.

ЖЕНЩИНА НЕ СУЩЕСТВУЕТ: Современные исследования полового различия

Под редакцией **И.Аристарховой**
Ответственная за выпуск **С.Ярошенко**

Электронная версия: <http://www.komi.org>

Редактор **С.Б. СВИГЗОВА**
Компьютерный макет **Д.А. ТРОФИМОВ**

Подписано в печать 25.06.99.

Лицензия ЛР № 020283 от 25.02.98.

Формат 60x84/16. Печать офсетная. Бумага тип №2.

Усл.п.л. 9,9. Уч-изд.л. 9,7

Тираж 400. Заказ №87

ИПО СГУ. 167001. Сыктывкар, Октябрьский пр.,55